

Дагмар Нормет

(1921-2008)

Из книги «Открытые двери»
("Avanevad ukсед", Tallinn 2001)

Перевод Инны Теплицкой (кроме двух глав,
отмеченных особо)

Дедушка

На нижнем этаже пансионата в Салтсейбадене (Швеция), жил человек, распорядок дня которого был своеобразным и ни от чего не зависящим. Часов в пять утра он уже бродил по саду и слушал пение маленьких желтых птичек. Это был наш дедушка – отец моего отца и дяди Исаака. Он приехал в Швецию в гости к сыну из Сопота. Звали его Йехошуа, короче – Йошуа Рубинштейн. «Йехошуа» на иврите значит «Бог его спасет», и это имя образовало имя Иисус. Мое сердце переполняли восхищение и гордость, когда я думала, что у моего дедушки такое же имя, как у Иисуса Христа!

Внимательно рассматриваю немногие сохранившиеся фотографии деда. Их подарил мне значительно позднее один из живших в Москве братьев дедушки. Снимки сделаны во время Второй мировой войны на юге Франции в городе Монпелье, где дед поселился со своим старшим сыном, когда гитлеровские войска стали приближаться к Польше и свободному городу Данцигу. Дедушка сидит в городском парке на деревянной скамейке со спинкой. На левом колене – темная шляпа, на правом – отдыхающая рука с тросточкой для гуляния. Чувствуется, что на улице тепло, т.к. дед сидит в расстегнутом пиджаке. воротник белой рубашки стянут узким галстуком. Солнце светит позади деда, его легкие седые волосы кажутся нимбом над широким лбом, густые брови, немного ироничный взгляд, небольшой нос с очерченными ноздрями, спокойный рот, в уголках его как бы намечается улыбка. Густая четырехугольная борода обрамляет это лицо, излучающее покой и всепонимание. Дедушка...

Я думаю, что в молодости он был очень обаятельным, потому что в него влюбилась девушка Сара, происходившая из известной богатой ашкеназийской семьи. Ее дед был придворным советником правителя Австро-Венгерской империи, ему принадлежало около половины города Варшавы. Уже живя в этом городе, он посылал свои рубашки в стирку только в Париж. И вот девушка Сара, несмотря на запрет родителей, связала свою жизнь с бедным голодранцем из торговцев.

У дедушки и бабушки было 9 детей – шесть сыновей и три дочери. Жили они сначала в Варшаве, а позднее, чтобы дать сыновьям лучшее образование – переехали в Петербург – в то время эти города входили в единую большую Российскую империю. В Петербурге дедушка занимался торговлей железом, снабжал им железные дороги России. Он был работящим и пользовался уважением. Его слову верили, поэтому Управление железными дорогами России

нередко заключало с ним сделки, не составляя письменного договора. Он стал купцом высшей гильдии. Но иногда случалось, что деньги на хозяйство в большой семье кончались. Как рассказал мне через несколько десятков лет дядя Евгений, в таких случаях бабушка ложилась на диван, отворачивалась к стенке и не поднималась до тех пор, пока дедушка снова не приносил деньги на питание.

Они очень любили друг друга. Дядя Евгений рассказывал, что живя летом на даче под Петербургом, его мама с детьми вечерами ходили встречать отца на станцию. И каждый раз, когда в окне приближающегося поезда мама замечала отца, она расцветала, как девушка, увидевшая своего любимого. Они тогда были уже женаты около 20 лет.

Когда здоровье бабушки начало ухудшаться – все же она родила 10 детей, говорят, что первый умер при родах – поехали на Рождество 1918 года в Финляндию, на зимний курорт Хывинген, чтобы подлечить ее легкие свежим горным воздухом.

С ними поехал сын Рубин, только что закончивший учебу в университете. Бросил ли Великий Случай так свои фишки или это предсказали звезды – кто знает! Но в это же время в том же пансионате оказалась таллинская девушка Нора со своим отцом. И там, катаясь вместе на лыжах и санках и танцуя на молодежных вечеринках и познакомилась моя будущая мама. Они поженились. На своей шкуре почувствовали они лишения в годы Гражданской войны. От голода их спасла моя будущая мама. Во время своей учебы игре на фортепиано в Лейпцигской консерватории, она занималась также современными танцами, изучала искусство Дункан, Далькрозе, Лабан. Теперь мама танцевала в Харьковском лазарете перед ранеными солдатами и в награду получала солдатский паек. Однажды они чуть не умерли от угара. Вечером мама сунула в печку чугунок с пшенной кашей, ночью же проснулась от странного чувства тошноты; почуввав опасность, поползла к двери, успела ее открыть и потеряла сознание. В 1920 году им посчастливилось получить гражданство Эстонии и переехать в родной город мамы Таллинн.

В детстве мама жила в конце улицы Лай в розовом каменном доме, лето же проводила в Кадриорге, на улице Мяекалда. Там и сейчас стоят несколько старых гниющих деревянных домиков с маленькими верандами и резьбой под крышами. Купаться на море ходили туда, где сейчас стоит «Русалка», поднимающая медные крылья. Два мостика вели к полосатым красно-белым домикам – для мужчин и для женщин.

Училась мама в Беляевской гимназии (тогда все школы были русские), которая помещалась в начале улицы Нарва мantee. Лучшей подругой со школьных лет и на всю жизнь осталась Эмилия Мартна, жена Ханса Мартна. Она была низкого роста рыжеватая блондинка, очень умная. Я в этом была уверена, и мама тоже так считала. Двое детей Эмилии – дочь Маргет и сын Юри – были в отца – цельные, ширококостные, медлительные и робковатые. Они приходили к маме на уроки фортепиано. Я подсматривала через приоткрытую дверь за тем, как неуклюже они били по клавишам своими неповоротливыми пальцами. Как им хотелось удрать с урока! Эти уроки происходили уже в нашей новой квартире на Нарва мantee, куда мы переехали 1 марта 1927 или 1928 года.

Подвальный этаж

Перевод с эстонского Ирина и Виталий Белобровцевы, журнал «Вышгород», №5, 2003

Однажды мама сделала мне замечание: Ты все-таки смотри, с кем играешь!

- ???

- Еще выйдешь за сына сапожника!

Я была оскорблена до глубины души. И возмущена.

- Я же не собираюсь замуж сейчас! А уж когда решу выйти замуж, то не буду спрашивать, откуда мой муж - из под вала, с чердака или из роскошного дворца! Меня это вообще не интересует!

Это была первая серьезная размолвка с мамой.

Несколько десятков лет спустя на первом этаже Таллиннского универмага меня остановила хорошо одетая женщина.

- Вы ведь Дата с Нарвского шоссе, да? - она улыбалась. - Вы меня не помните? Я жена сапожника из того самого дома.

Я изумилась, и перед глазами встала молодая сапожничиха из подвала нашего дома, которая много лет назад поведала мне захватывающую историю любви миссис Симп-сон и наследника английского престола.

Теперь на первом этаже Таллиннского универмага она с нескрываемой гордостью рассказывала, что ее сыновья женились, что у них растут дети и - это она подчеркнула особо - они закончили университет! У одного из них в Меривя-лья очень красивый "индивидуальный дом". (Так в советское время называли собственный дом для одной семьи, противопоставляя его "коммуналке" - государственной квартире, в которой на одной кухне было несколько хозяек.)

Я от души порадовалась успехам ее сыночек. И тут же вспомнила маму... Какой зигзаг судьбы: мальчишка "из подвала" закончил университет и жил со своей семьей в прекрасной вилле, а я со своим сыном и дочерью - в двухкомнатной квартире с печкой и без удобств. Мы трогательно попрощались с сапожничихой. Больше я ее не видела.

Сонь

Перевод с эстонского Ирина и Виталий Белобровцевы, журнал «Вышгород», №5, 2003

Наша квартира находилась на третьем этаже, а сарай для дров - в подвале дома, там, где пахло прачечной и кошками. Печки в квартире были построены таким образом, что каждая обогревала две комнаты. Так что зимой нам приходилось топить три печки, а кухонную плиту и печку бойлера в ванной - круглый год.

Немыслимо было, чтобы наша толстушка Мария, готовившая еду, убиравшая квартиру и топившая печи, в придачу таскала бы из подвала дрова. И вот в один прекрасный день папа отправился на биржу труда.

Был 1928 год. Год великого экономического кризиса. Отец мне объяснил, что на бирже труда на улице Лай записывают людей, которые остались без работы. Без работы, без денег, без хлеба. Они сидят там на длинных скамейках вдоль стены и ждут изо дня в день: вдруг придет человек, которому они нужны. Я попыталась это представить - картина получилась безрадостная.

Отец пошел на биржу, оглядел сидевших на скамейках людей, и его взгляд остановился на молодом худощавом человеке, его потертая, но при этом опрятная одежда едва прикрывала длинные ноги и венозные руки. Их взгляды встретились - отчаянные голубые глаза юноши и изучающий взгляд моего отца. В этот момент что-то возникло между ними, какое-то узнавание, которое связало их на всю жизнь.

Юноша, его фамилия была Соннь, а имени я не помню, стал работать в нашей семье, таскал в квартиру дрова, огромные охапки к каждой печке и про запас в деревянный ящик на кухне.

Однажды мне пришлось быть свидетелем сцены, которая во многом определила мое отношение к жизни. Я - семилетняя девчушка. Стою в столовой и через широкий дверной проем вижу, что происходит в прихожей. Получается как бы картина в дверной раме, как бы сцена, немой фильм. Соннь работает у нас еще совсем недавно, он притащил наверх ежедневную порцию дров и надевает в передней свое пальтецо. Тут выходит отец и преподносит ему свою шляпу, поношенную, но еще вполне приличную. И вот Соннь - у меня даже сейчас по спине мурашки пробегают, когда я представляю эту картину, - этот молодой и сильный человек опускается на колени и целует руку моего отца! За поношенную шляпу!

Я была потрясена. В какой нищете надо было жить, чтобы испытывать такую благодарность! Я почувствовала, что краснею с ног до головы, по спине пробежала горячая струя. И мне было стыдно до ужаса! Стыдно за такое самоуничтожение, стыдно за несправедливое устройство мира. Мне было семь лет.

Но шли месяцы, шли годы, и Соннь со своей семьей, миловидной женой и двумя сыновьями, встал на ноги. И его прекрасное, словно вырезанное резцом по дереву лицо и прямая осанка уже ничем не напоминали отчаяние кризисных лет. Теперь он уже трудился у отца в конторе склада строительных материалов. Как называлась его должность, я не знаю. Когда в 1940 году склад национализировали, Соннь продолжал навещать нас.

Осенью 1944 года, когда фашистов выгнали из Таллинна и снова заработал Эстонский филиал Государственного банка Советского Союза, где за год до войны папа работал юрисконсультантом, он как раз вернулся из эвакуации. Тут ему рассказали, что со дня открытия банка о нем ежедневно спрашивает какой-то высокий человек. Это был Соннь. Я присутствовала при их встрече: мой отец и Соннь молча обнялись и прослезились.

В этом мгновении было все: падение Эстонской Республики, кошмар войны, ужасы обеих оккупации, неведомое будущее и неопределенность настоящего.

Они обнялись и прослезились.

Из глубины веков

Отец никогда не пел, но две свои любимые арии нередко напевал, сдерживая темперамент, он хотел показать мне их красоту. Это были печальная «Песня индийского гостя» из оперы Римского-Корсакова «Садко» и победный марш тореадора из оперы Бизе «Кармен».

Один раз в году я могла услышать в исполнении отца молитву, которую он пел в Пейсах. Это происходило на площади Вабадусе, в доме, где сейчас находится городское правительственное здание, а в описываемое время он носил название своего владельца - страховой компании ЕКА. Кроме конторских помещений в доме были также квартиры ряда врачей с кабинетами для приема больных. В одной из них жил доктор Лурье, друг моих родителей. Каждый год он приглашал в гости на праздничный ужин, сейдер, своих родственников и друзей, всего около 20 человек.

Семья Лурье придерживалась старых традиций. Пища у них была кошерная, при хранении продуктов и посуды и приготовлении еды соблюдались строгие правила, существовавшие с библейских времен.

Сидели за длинным столом, на одном конце – отец семейства (вокруг него лежало много подушек). Рядом с ним сидел младший в семье мальчик. У всех

мужчин, в том числе у маленьких мальчиков, головы были покрыты шляпами или кипами – точно, как в синагоге, потому что ни один верующий еврей не имеет права повернуться к Иегове с непокрытой головой.

Перед каждым, сидящим за столом, стояла суповая тарелка с соленой водой и плавающим в ней крутым яйцом, а также бокал с красным вином, а вместо хлеба лежала маца – тонкие пластинки из пшеничной муки и воды, такие же, как торопливо пеклись в дорогу в день бегства евреев из Египта.

Празднование Пейсаха (Исхода) – старинная еврейская традиция, отмечающая освобождение евреев из египетского рабства, их исхода под руководством Моисея через Красное море и Синайский хребет в Палестину, родину отцов.

Праздничный ужин – сейдер (порядок) состоит из традиционных молитв и песен, прерывающихся для исполнения ряда ритуалов – разламывания кусков мацы, осушения четырех бокалов красного вина. Кроме того, принято, чтобы младший из мальчиков задавал отцу четыре вопроса и получал на них ответы.

Дверь в квартиру, где справляли сейдер, должна была весь вечер оставаться открытой, за столом были приготовлены место и еда для Мессии, который мог прибыть в любую минуту, т.к. согласно еврейской вере Мессия (Спаситель) еще не явился.

Нам, детям, полагалось сидеть молча и не сходить с места, только слушать. Я не знала иврита, на котором проходила вся церемония, как не знали этого древнего языка многие из присутствующих. Достаточно было того, чтобы мальчик сумел задать свой вопрос «чем отличается сегодняшняя ночь от других ночей?» в правильном месте. Ответ же отца состоял из 15 частей молитвы, которые объясняли историческую суть Пейсаха и символов сейдера. Глава семьи читал отрывки из Агады, а сидящие за столом вместе повторяли их. Этот ритуал длился около двух часов, в это время нельзя было ни разговаривать, ни есть. Позже начинался праздничный ужин – куриный бульон с кнейдлахами (мацовыми клецками), фаршированная щука, индейка и компот из сухофруктов. Домой возвращались поздно, уже ночью.

Мой отец во время сейдера тоже надевал шляпу, он старательно повторял за главой дома древнюю молитву. Слушая его, я испытывала странные чувства. С одной стороны я гордилась тем, что он участвует в таком важном деле, с другой – меня как бы смущало, что отец воспринимает все это так серьезно, хотя я знала, что он неверующий, и поэтому жалела его. «Но здесь дело совсем не в вере» - объяснил мне отец, когда я ему высказала свои сомнения – это – чистая история, дошедшая до нас через тысячелетия». «Молитва сейдера пришла к нам из Палестины через Испанию, Голландию и Германию, через Австро-Венгерскую империю, Польшу и Россию, - добавила задумчиво мама. – С далекого юга сюда к нам в Таллинн. Этот праздник родился в Библейские времена тысячи лет назад. На мгновение мне показалось, что я заглянула в бесконечность.

Другом нашей семьи был Марк Коловски, среднего роста, улыбчивый, с седой головой. Он жил со своей семьей – женой и двумя дочерьми – в Тарту. Он всегда заходил к нам, когда бывал в Таллине. Я его очень уважала. Однажды я поделилась с ним своей заботой – я плохо знала Библию. В свой следующий приезд господин Коловски подарил мне книгу библейских историй на немецком языке. Она была чудесно иллюстрирована репродукциями картин и гравюр известных мастеров. Я очень любила эту книгу и упрекала родителей, что они не знакомили меня с религией. «Веру ты выберешь сама, когда подрастешь, - утверждали мои родители. – Человек должен делать это сознательно». Как мог ребенок в этом разобраться? Только позднее я поняла, что отец принял в качестве своей веры основы буддизма. Эта вера соответствовала его мироощущению. Со стоическим спокойствием, несокрушимым чувством некоторого превосходства и самообладанием папа пережил все испытания, которые ему преподнесла жизнь.

Доктора

Кроме господина Коловски и Эмилии Мартна, маминой школьной подруги и невестки социал-демократа Михкеля Мартна, маленькой серьезной женщины, появление которой приносило с собой политический дух, к нам приходил также врач по внутренним болезням Симон Маркович, один из основателей таллинской Больничной кассы. Больничная касса построила дом на ул.Харидусе, там сейчас находится поликлиника Тынисмяги. От д-ра Марковича я услышала о противоречиях между частными врачами и врачами Больничной кассы, обслуживающими работающих жителей города.

Помню также высокую стройную жену д-ра Марковича, она была искусной вязальщицей, брала заказы и этой скудной добавкой увеличивала немалый доход своего мужа.

В круг знакомых нашей семьи входил также долговязый элегантный немец д-р Буш, который в нерабочее время любил пользоваться моноклем. Говорили, что он не решался приступить к операции, пока не опрокидывал в себя рюмку спиртного. Самым забавным же было то, и это утверждали мои родители, неоднократно бывавшие с д-ром Бушем в ресторанах «Глория» или «Марсель», что у него была привычка в разгар вечеринки откусывать краешек рюмки в качестве закуски после выпитой водки.

Еще один необычный врач появлялся в нашем доме – отоларинголог д-р Тух. Он приходил, когда у меня было воспаление среднего уха, и я его боялась. Я лежала в кровати с высокой температурой и ушной болью. Но доктор кроме ушей хотел проверить и носоглотку, я же увиливала и отворачивалась – страшилась металлического инструмента, который он пытался всунуть мне в нос. «Если будешь еще сопротивляться, у тебя выпадет глаз», - пугал д-р Тух. Конечно, это было непедagogично, но доктор достигал своей цели – от ужаса я переставала двигаться, и он спокойно проверял мою носовую полость. На самом же деле он был очень добрый и лечил бедных бесплатно. «Богатые за вас уже заплатили», - говорил он, доставая инструменты. Находясь во время войны в эвакуации в Средней Азии, он тащился ночью в темноте по несколько километров к неимущим больным и часто кроме лекарств приносил им еду.

Новые подруги – Дина, Лия, Тибу

Ядро нашего класса составляли девочки из Рамми школы. К ним присоединились и некоторые из других школ. С тремя из них поддерживаю связь и сегодня – больше пятидесяти лет. Одна из них, Дина Слуцк, которая, как и Хелене Кумаги, после большого «перемещения народов» все же осталась в Таллине. Школьницу из Хаапсалу Дину наш класс сразу принял как свою. Она была жизнерадостная, веселая, спортивная девушка, которую мечтала заполучить каждая играющая в народный мяч школьная команда, капитаны которых стремились вырвать друг у друга с ее помощью победу. Она была мастаком!

Удивительно, но здравомыслящая Дина была фаталисткой. Когда уже в Английском колледже в 10 классе ей назначили переэкзаменовку по физике, она отказалась пойти ее сдавать. Некоторые наши мальчики, которым тоже предстояла переэкзаменовка, пытались уговорить Дину и даже втолкнуть ее в класс. Но она не изменила своего решения, объясняя это тем, что все в жизни заранее predetermined, и от того, сдаст она переэкзаменовку или нет, ничего

не зависит. Она просто лежала в кровати и ничего не делала. «Хорошо, - сказала госпожа Слуцк. – Если ты больше в школу не пойдешь, значит, детство прошло. Тогда надо идти работать». Слова матери подействовали. Дина сдала переэкзаменовку, кончила Еврейскую гимназию и даже пошла учиться дальше.

После окончания юридического факультета Тартусского университета Дина около 40 лет работала прокурором, была в своем отделе старшей. В суде ей приходилось иногда требовать смертных приговоров за изнасилование детей и убийства. Это были очень тяжелые процессы. Честность и железная принципиальность позволили ей сохранить свою должность и тогда, когда рухнула советская судебная система и была восстановлена Эстонская Республика в 1991 году, эта система была пересмотрена и «почищены» кадры. Несмотря на пожилой возраст, ее не отправили на пенсию, а единственную из «прошлых» оставили выполнять свою ответственную работу.

Своей семьи у Дины не было. Всю свою огромную заботу и любовь она отдала семье своего брата Ааду Слуцк, известного журналиста и многолетнего директора Эстонского радио. Теперь, в 80-летнем возрасте и, наконец, уйдя на пенсию, Дина живет вдвоем со своей «летающей» собакой Бемби в симпатичной однокомнатной квартире в Ласнамяги. Название «летающая собака» появилось в связи с привычкой этой маленькой, не всегда белоснежной болонки, выражать с приходом гостей свою радость, носясь по комнате – с пола на кресло, с кресла – на стол, оттуда на диван – и в таком темпе, что пришедший гость вместо этой собачки видел только летящий вихрем белый клубок.

В 1933/34 учебном году в нашем классе появилась девочка из Германии, которая от нас отличалась не только модной одеждой, но и отличным немецким произношением – Лия Хюбшман. Ее отец, улыбчивый немец с большим животом (м.б. от злоупотребления пивом), ликвидировал в г.Чемнице свою перчаточную фабрику «Симплекс» и привез жену, худенькую еврейку, дочь Лию, которая была полукровкой и молодую секретаршу-делопроизводителя в Эстонию, спасаясь от гитлеровского нашествия в безопасном далеке. В Таллине его фабрика снова стала изготавливать перчатки.

Сначала Хюбшманы жили на ул. Крейцвальди, позже – в Кадриорге, поэтому в школу мы ходили вместе. С Ирой Матцовой мы часто ходили к Лие, где встречали ее жизнерадостную и дружелюбную маму, которая охотно демонстрировала нам свои гимнастические трюки – стойку, шпагат и другие. Эта женщина умела держать в форме не только свое тело, но и семейную жизнь. Об этом свидетельствует следующая история.

Время от времени папа Хюбшман посещал ресторан-варьете «Марсель», помещавшийся на Ратушной площади. Эти «рабочие совещания» длились иногда за полночь. Однажды, когда он ехал на извозчике с очередного «совещания» уже под утро, госпожа Хюбшман, услышав цокот лошадиных копыт по мостовой, накинула на плечи свой красный халат и юркнула к окну, чтобы из-за занавески проследить за возвращением мужа. Но когда господин Хюбшман зашел в спальню, его жена спала глубоким сном. И ничего не случилось. Но спустя несколько недель папа Хюбшман сказал своей жене: «Дорогая, у меня сегодня снова совещание, оно может затянуться. Пожалуйста, не жди меня в своем красном халате за занавеской». Поцеловал жену и ушел. Их брак был счастливым, несмотря на штормы и потрясения, которые преподнесла им судьба. И хотя немец господин Хюбшман привез из Германии в Эстонию еврейскую часть своей семьи, Гитлер и здесь вмешался в их судьбу. Все недавно бежавшие из Германии лица, пытавшиеся спастись, стали считаться пособниками врага. Эстония стала советской, вошла в «братскую семью народов» и поэтому стала частью вражеской империи. Тогда и возникло то, что на первый взгляд кажется абсурдом – в страхе, что появится пятая колонна из немецких беженцев, всех их погрузили в теплушки и отправили в Сибирь. Опыт

июньской ссылки 1941 года уже существовал. На самом деле, эта акция спасла им жизнь, и нет основания полагать, что нацисты встретили бы их с любовью.

Итак, поезд отправлялся на восток. Где-то между Раквере и Нарвой появился немецкий бомбардировщик. Загудела сирена воздушной тревоги. Поезд остановился. Запертые двери теплушек открыли, и всем приказали спрятаться в ближайшем лесу. Утомленные теснотой душных вагонов, люди высыпали из них и бросились через цветущий луг к обещанному лесу. В том году на лугах росли особенно яркие цветы... Самолет исчез в облаках. Воздушная тревога кончилась. Люди устремились к своим вагонам, куда же еще им было деваться? Чужая земля, чужой язык. И война приближалась с невероятной быстротой.

Их везли куда-то в бескрайние казахстанские степи, в лагерь для иностранцев. Работать их не заставляли. Лия валялась на нарах, читала книжки и знакомилась с заключенными. Там она встретила узника войны – австрийца Коминика. Они полюбили друг друга и поженились. Когда после войны заключенных освободили и господину Коминику позволили вернуться в его родную Вену, он вывез туда свою молодую жену и ее родителей. Круг замкнулся. Деловой папа Хюбшман продолжил теперь уже в Вене свое перчаточное производство. Он и его жена прожили в своей красивой вилле с садом из роз оставшуюся жизнь. Умерли они в старости.

Лия же неоднократно присылала мне австрийские детские книги. Некоторые из них я переводила. Так эстонские дети получили переводы книг писательниц Миры Лобе и Кристины Нестлингер.

Одной из вновь прибывших в наш класс девочек была подвижная белобрысая Ингрид Нирк. Отец – эстонец, мать – немка. С Нирку или Тибу мы близко не сошлись, т.к. дружба в младших классах в немалой степени зависела от того, близко ли дети жили друг от друга и вместе ли ходили в школу.

.....

Чьи близнецы?

Шли дни, каждый из них имел свою задачу, свое лицо. Недели сменяли друг друга. И вот – телеграмма! «Поздравляем дорогого брата Рубина и его жену Нору с рождением двойни».

Не было сомнений – телеграмма была адресована именно нашей семье, только где бы нам взять двойню?! Телеграмму послал старший брат отца Келман. Тот самый, на свадьбу которого мой семилетний тогда отец поехал, прыгнув в уже тронувшийся поезд Варшава-Лодзь, порвав свои штаны и ободрав колени.

Келман был старше папы на 15 лет и жил теперь со своей семьей и бабушкой на юге Франции, в Монпелье. Отец не был с ним связан много лет, братья отвыкли друг от друга, слишком велика была разница в возрасте и расстояние между ними. Очевидно, до Келмана дошло какое-то сообщение, что у кого-то из братьев семья пополнилась двойней. Но у кого?

Папа позвонил дяде Исааку в Стокгольм, чтобы поздравить его и Минну. Они о двойне ничего не знали. Тогда мы подумали, что счастливый отец – один из папиных братьев, живущих в Москве. Экономист Яков, математик-инженер Моник или дипломат Евгений.

Чего бы легче – позвонить им, но мы не знали номеров, да и были ли у них телефоны? Можно было бы написать, правда? Но Боже избавь от такого непродуманного шага. Письмо с иностранной маркой может вызвать подозрения. Конечно, оно проходит цензуру, а там – разговор о какой-то не существующей двойне (поэтому вся их жизнь будет сейчас же проверена). Значит, вопрос о

двойне – хитроумно зашифрованный секрет. Да-да –враг не дремлет! Надо быть начеку.

Нельзя себе представить, сколько неприятностей могла бы им принести эта телеграмма о двойне. Представление об этом можно получить из случая, происшедшего примерно в это же время у Советского посольства в Брюсселе, о чем нам рассказали обе стороны в разные годы и в разных странах. Это, в общем, ненаписанная семейная хроника. Первым нам рассказал эту историю дядя Исаак, когда приезжал к нам в гости в 1936 г. От дяди Евгения я ее услышала уже в 1943 г., когда училась в Москве в эстонской группе Института физкультуры.

Вот эта история. После окончания знаменитого Сорбоннского университета в Париже, дядя Евгений вернулся в Петербург, ставший тогда Петроградом. Будучи идейным коммунистом, он предложил свои юридические познания молодой советской дипломатической службе. Он стал первым Советским послом в Бельгии, а затем в Италии, где и родился его старший сын, что последнему принесло немало неприятностей. Представьте себе анкету, в которой местом рождения указан город Рим. Почему Рим? Ах, отец был посол? А где он сейчас? Ах, репрессирован? Сидит в тюрьме? Значит – враг народа.

Но вернемся к той истории рожденной в 20-е годы. Итак, живущий в Москве дядя Евгений был Советским послом в Бельгии. Когда живущий в Стокгольме дядя Исаак однажды посетил Брюссель, он решил встретиться с братом. Со времени Октябрьской революции они не виделись. Исаак подошел к воротам Советского посольства и начал говорить с полицейским, дежурившим у входа.

Именно в это время Посол Советского Союза дядя Евгений подошел к окну и увидел, что у ворот посольства его брат Исаак беседует с полицейским. Дядя Евгений выскочил, не глядя на брата пробежал мимо него и удалился. Дядя Исаак последовал за ним. Братья молча двигались по противоположным сторонам улицы. Наконец, Исаак осмелился тихо спросить – «Это действительно так опасно?» И посол ответил шопотом, не двигая губами, - «Очень». Больше братья никогда не встречались.

И вот теперь эта таинственная двойня. Уже не помню, как мы тогда узнали, что дети родились в Москве в семье Моника (Миши). Именно в той семье, с которой связано мое первое детское воспоминание – морское путешествие из Данцига в Таллинн. Дядя Моник, молодой отважный студент, единственный из братьев-москвичей решился встретиться с семьей, живущей за границей. На корабле он стонал рядом со мной от морской болезни. Двойня состояла из двух чудесных девочек, очень разных по виду и характеру - Натальи и Галины. Познакомилась я с ними значительно позже, когда Наташа, уже ученый-физик, выращивала кристаллы в лаборатории закрытого института. Поэтому, о поездке за границу, даже с научной целью, ей нельзя было даже мечтать. Ее сестра Галина работала старшим инженером в цехе какого-то большого завода и не дожидаясь выхода на пенсию. Дядя Миша деспотично настоял на своем и заставил девочек, имевших художественные склонности, - у Наташи был хороший голос, а Галя училась танцевать – изучать в институте физику и строительство. Это были единственные профессии, которые он считал ценными.

Этот же дядя Миша через несколько десятков лет был очень недоволен тем, что мой сын Инго пошел учиться на театрального режиссера. Он, правда, написал мне по этому поводу в одобрительном тоне, что мальчику пришлось преодолеть «большие трудности», имея при этом в виду вступительные экзамены в Московский театральный институт, где на режиссерский факультет был большой конкурс. И добавил упрямо, что хотел бы, чтобы Инго был инженером, заведующим цехом большого завода.

Сам он по профессии был математиком, строителем мостов, преподавал в институте сопротивление материалов и написал учебник математики,

построенный по совершенно новому принципу, который, увы, так и не был издан. Он очень увлекался английской литературой, особенно любил своеобразный английский сухой юмор. Таким тогда был дядя Моник, которого позднее по-русски начали звать Мишей. Он родился в 1900 году и дожил до 92 лет. Он был стройный и выносливый, играл в теннис (со своей третьей женой он познакомился на корте), в пожилом уже возрасте ходил на лыжах и плавал в бассейне. Он совершил на своей машине далекую поездку из Москвы в Таллинн и Кясму и был убежден, что от чарующего своеобразия эстонской жизни ничего не останется. «Вот увидишь, они (советская власть) все делают по своим шаблонам, все будет одинаковым с другими».

“ONE DAY WHEN WE WERE YOUNG”

.....

Вечером Раннакохвик (кафе на пляже) был переполнен студентами. Начинаясь «пир во время чумы». Играл знаменитый оркестр «Кулдне-7» (Золотая семерка). Сегодня он играл особенно стремительно и брал за душу. И внезапно, после полутакта – молчание. После полушага – замирает сердце. Вперед выходит один из музыкантов с белым листком бумаги в руках и читает только что полученное предписание: мобилизация! В 3 часа ночи мужчины должны быть на автобусной станции. И оркестр продолжает играть мажорные вальсы. Студенты танцуют со слезами на глазах, в бешеном темпе.

Я в жизни не плакала так отчаянно, как в ту ночь, сидя на коленях у Пеепа перед кафе в Нарва-Йыесуу. К трем часам пошли провожать наших мальчиков. Провожала своего молодого мужа и наша учительница танцев. Это был Фред Куду, преподававший легкую атлетику.

Но что-то смешалось в коридорах бюрократии – через два дня мужчины вернулись, они еще не были нужны.

Мне позвонила мама из Риги, но поблизости меня не нашли. Гуляла с Пеепом по лесу и слушала стихи. Вернувшись, я побежала на почту, но с Ригой связи уже не было. Тогда я позвонила в Таллинн лучшей подруге мамы Эмилии Мартна. Но она о маме ничего не слышала. Так я и не узнала, что мама хотела мне сказать... Война уже пришла в Латвию.

Моя сокурсница Зоя Анофриева покинула наш спортивный лагерь и поспешила в Тарту, чтобы вместе со своим другом, старшекурсником-медиком добровольно пойти на фронт. Уехала и маленькая смородинка Марина, чтобы попасть на фронт в качестве медика. Студенты пошли провожать ее на автостанцию. Я хотела ей на прощание подарить лесных колокольчиков, но так и осталась в лесу, вдруг почувствовав, что не в силах с ней увидеться. Через год Марину высадили на парашюте в Эстонии, но немцы ее схватили и повесили. Появились рассказы о зверствах немцев по отношению к евреям в Литве и Латвии.

«Давай поженимся, - предложил мне Пееп, - я спрячу тебя на хуторе». Я школьницей по-другому представляла себе предложение о замужестве. На самом деле это и не было предложением, это был способ меня защитить, спасти.

Наш декан Херберт Ниилер пригласил меня зайти. Он посмотрел мне в глаза и спокойно и твердо сказал: «Дагмар, Вы должны уехать». Я ничего не ответила, я онемела.

Позвонила домой отцу. Узнала, что они всей семьей с сотрудниками государственного банка, где работал папа, едут в Ульяновск. Если я не успею

приехать в Таллин, встретимся в Ульяновске. Возвращаясь с почты, я вынуждена была опираться на заборы, так я содрогалась от рыданий, рушился весь мой мир. В Таллинн я не попала, поезда уже не ходили. В моей тартуской комнате я собрала некоторые нужные в дальнюю дорогу вещи – белье, шерстяную кофту, фотографии и, конечно, подаренный мамой дневник и книжку стихов Тагора в красной коленкоровой обложке. «Тебе бы очень понадобилось шелковое белье, - сказал Пееп. – В нем не заводятся вши». Я удивилась, откуда он это знал.

Маленький кораблик двигался по Эмайыги в сторону Чудского озера, дальше – в Россию. На борту полно беженцев – студентов, профсоюзных деятелей, журналистов, еврейских семей.

Лежала, свернувшись, на палубе на своем зеленом рюкзаке и рыдала. Подошел молодой матрос, сел рядом со мной и заиграл на губной гармошке «Далеко-далеко, где мой дом».